

соціального розвитку філософії, що формує стійкі національні ідентичності та важливі соціальні пріоритети. Філософська освіта сприяє виробленню як індивідуальних, так і суспільних ідентичностей.

Бібліографічні посилання

1. **Багалеї Д.** Заселення Харківського краю і обший ход его культурного розвитку до откриття університета [Текст] / Д. Багалеї // Речь, сказанная на акте в Императорском Харьковском университете 17 января 1889 г. – Х., 1889. – 43 с.
2. **Бауман З.** От пилигрима к туристу, или краткая история идентичности [Текст] / З. Бауман // Национальна ідентичність. Хрестоматія. – С. 279–297.
3. **Гриценко О.** Своя мудрість. Національна міфологія та «громадянська релігія» в Україні [Текст] / О. Гриценко. – К.: УЦКД, 1998. – 183 с.
4. **Кант І.** Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? [Текст] / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 27–35.
5. **Кант І.** Сочинения : в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1963. – Т. 6. – 1966. – 744 с.
6. **Нагорна Л.** Національна ідентичність в Україні [Текст] / Л. Нагорна. – К.: ІПІЕНД, 2002. – 272 с.
7. **Сковорода Г.** Твори : у 2 т. [Текст] / Г. Сковорода – К.: АТ Обереги, 1994. – Т. 1. – 528 с.
8. **Ушкалов Л. В.** Григорій Сковорода і антична культура [Текст] / Л. В. Ушкалов. – Х.: Знання, 1997. – 179 с.
9. **Фуко М.** Что такое Просвещение? [Текст] / М. Фуко // Фуко М. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–360.
10. **Хабермас Ю.** Модерн – незавершенный проект [Текст] / Ю. Хабермас // Вопр. филос. – 1992. – № 2. – С. 40–52.
11. **Шерех Ю.** (Шевельов Ю.) Четвертий Харків [Текст] / Ю. Шерех // Пороги і заборіжжя. Література. Мистецтво. Ідеологія : в 3 т. / Гол ред. В. Шевчук та інші. – Харків: Фоліо, 1998. – Т. 1. – С. 478–492.

Надійшла до редколегії 21.01.11

УДК 371 + 1(091)(470)

С. А. Титаренко, Н. В. Чекер

Луганський національний аграрний університет

ОСНОВНОЙ КОНЦЕПТ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА В БЕРДЯЕВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Рассмотрена дискуссия о концепции творчества у Н. А. Бердяева. Изучено, как прослеживаются переплетения проблематики творчества с темами

© Титаренко С. А., Чекер Н. В., 2011

личности, свободы, равенства, духа. Показано, что исследователи не до конца проанализировали психологическую, смысловую и идейно-мировоззренческую основы смыслотворчества великого русского философа.

Ключевые слова: творчество, свобода, равенство, личность, дух.

Розглянута дискусія щодо концепції творчості в М. О. Бердяєва. Вивчено, як простежуються взаємозв'язки проблеми творчості з темами особистості, свободи, рівності, духу. Показано, що дослідники не до кінця проаналізували психологічну, смислову та ідейно-світоглядну основи смислотворчості великого російського філософа.

Ключові слова: творчість, свобода, рівність, особистість, дух.

The article deals with the concept of N. A. Berdyaev's creative work. Interrelations of N. A. Berdyaev's creative work problems with personality, freedom, equality and spirit are observed in this paper. It was revealed that the psychological, sensitive and outlook basis of a great philosopher were not analyzed profoundly.

Keywords: creative work, freedom, equality, personality, spirit.

Важнейшей темой изысканий Николая Бердяева была философская антропология, в контексте изучения Бого-человеческих личностных взаимоотношений и взаимодействия. Именно рассматривая особенности Бого-человеческого взаимодействия, философ задает ключевые направления для анализа всей сопутствующей проблематики. Взаимодействие же понимаемо им как творчество. И, если брать человеческий полюс этого процесса, то творчество, для Бердяева, – это откровение человека. Таким образом, творчество выступает как основной концепт в философской системе Николая Бердяева.

Именно творчество определяет статус человека во вселенском универсуме. Поэтому в своей ключевой работе, посвященной раскрытию этой темы («Смысл творчества»), Бердяев, как он полагает, занимается антроподицесей – оправданием человека. Философ настолько глобализирует тему творчества, что она превращается из философского концепта в некий динамически выстраиваемый идеал, охватывающий все сферы человеческого проявления и задающий для них ориентиры высокого духовного подвига. Поднятая Бердяевым тема, а точнее «революционная» специфичность ее рассмотрения мыслителем, вызвала напряженный исследовательский интерес к его рассуждениям, как среди современников русского мыслителя, так и в последующей философской традиции. Однако видение всех аспектов религиозно-процессуальной специфики раскрытия Бердяевым темы творчества, как основного концепта его философования все же остается неполным в бердяеведческой традиции, что и делает актуальным нашу работу.

Целью нашего исследования является рассмотрение и анализ бердяеведческой традиции в осмыслении проблематики творчества. В своем исследовании мы рассмотрим дискуссию о концепции творчества Бердяева, возникшую в кругу современников мыслителя, затем рассмотрим обсуждение этой проблематики западными и советскими бердяеведами и наконец, в завершение работы, попытаемся осмыслить современные ин-

терпретации темы творчества в философском наследии Бердяева, даваемые отечественными и зарубежными исследователями.

Любопытно, что с момента формулирования Бердяевым своей самобытной концепции творчества эта тема стала предметом оживленных дискуссий. Только объявив своим коллегам по издательству «Путь» в 1911 г. о новом направлении своих духовных поисков, Бердяев встретил жесткую критику. Наиболее активные «путейцы» – Булгаков, Флоренский и Эрн, развивая идеи софиологии, полагали, что человек призван воплотить в мире извечно существующие в божественной премудрости образцы. Исходя из этого, они обвиняли Бердяева в имманентном обожевлении человека, не видящем должных различий божественного творчества и человеческого деяния. После выхода в 1916 г. книги «Смысл творчества», где Бердяевым была впервые изложена в «полнокровной» форме его оригинальная концепция творчества, начинается оживленное обсуждение «непривычных» и достаточно резких, по стилистике выражения, идей философа.

С точки зрения Василия Розанова, настойчиво проводимое Бердяевым разделение бытия на две онтологические реальности: «мир сей» и «космос» является недопустимым и «еретическим» мировосприятием. Хотя, следует отметить, что первым острой полемикой с Розановым начал сам Бердяев. В своей статье «Христос и мир» (1908) он обличает Розанова за неспособность увидеть ту истину, что ««мир» этот есть смесь бытия с небытием» [3, с. 282]. Соответственно, статья Розанова «Новая религиозно-философская концепция Николая Бердяева» (1916) есть своего рода защита им собственной позиции и аргументация понимания им мировидения своего оппонента как манихейства [13, с. 268].

И хотя Бердяев специально оговаривает во введении к «Смыслу творчества» базовую особенность своего философствования, а именно, противоречивое совмещение в нем дуализма и монизма, Розанов, на наш взгляд, нащупывает реальную проблему. Она проясняется в полемике с А. Мейером, который выражал позицию группы новой религиозной общности, сложившейся вокруг Д. Мережковского. Отвечая на критику своей позиции за замену воскрешения новой творческой эпохой данную в статье «Новое религиозное сознание» [12, с. 280–284], Бердяев в статье «Новое религиозное сознание и история» заявляет, что монизм бытия у них исходит из коренного дуализма Бога и человека, его же дуализм исходит из монизма, «осуществленного в глубине духа» [3]. Тем самым он однозначно признает дуализм бытия и намекает на отождествление в творческом акте божественного и человеческого начал.

Интересное и глубокое осмысление начальной концепции творчества Николая Бердяева предлагает Вяч. Иванов. Он выявляет противоречивость концепции Бердяева, в которой «человек творит одновременно через Бога и без Бога» [8, с. 310]. Сопоставляя эту позицию с ортодоксальной христианской точкой зрения, Вяч. Иванов пишет: «Корень мистического заблуждения в том, что человек, по мысли Бердяева, совершается, или достигает божественной энтелехии, еще до своего во Христе воскресения и что не Христос как бы вовлекает его... по воскресению, во вторую Ипостась, а пришествие Утешителя толкуется как отождествление

человека с третьей ипостасью, чем нарушается отношение богосыновства...» [8, с. 310].

Еще один современник Бердяева Е. Лундберг посвящает рассматриваемой книге разгромную статью «Творчество как спасение». Он, главным образом, упрекает философа в том, что, выдвигая идею творческого откровения человека, «он – говорит за Бога» [11, с. 278]. Хотя сам Бердяев, вероятно осмысливая эту и подобную критику, в последующем четко позиционирует свою философию как пророческую, что по смыслу и означает принятие им на себя роли «Божьего глашатая». Лундберг выявляет, что для Бердяева онтологической возможностью вселенской роли человека является незавершенность Создателем процесса миротворения и Христом – спасения. Критик устанавливает, что мыслитель стремится построить свою концепцию на выявленном им новом религиозном факте, каковым является не вмешательство Божественной благодати в объективный мир, т. е. новое откровение свыше, а творческий сдвиг в духовном строе самого человека. Что не совсем верно, так как, по сути, Бердяев говорит о том, что откровение может прозвучать лишь в душе того, кто способен его услышать, а благодать предполагает напряженное деятельное совершенствование человеческого духа, дабы этот дух смог освятиться ниспосылаемой благодатью. Но творческая деятельность для Бердяева, не только (а в «Смысле творчества») и не столько) внутренний процесс, но, главным образом, внешняя созидательная деятельность человека. Поэтому Лундберг воспринимает его концепцию как религиозно недоработанную, ученическую, а самого Бердяева – как пренебрегающего духовным (молитвенным) усилием и деланием, и заменяющего его таинственными словами и непонятными способами.

Младший современник Бердяева В. Зеньковский объясняет пафос мысли Бердяева чувством надвигающегося мирового кризиса [7, с. 284]. Ценность позиции обсуждаемого им философа он видит не в пророческом его настроении, но в положительном содержании, в выработке Бердяевым своеобразной жизненной позиции. Это положительное содержание исследователь видит в преодолении мироощущения приспособленчества и пессимизма и разработке творческого мироотношения. Отмечая позитивные стороны рассматриваемой философии творчества, автор видит, что, рассматривая творчество с объективной стороны, со стороны внешне преобразующей экспансии философ недостаточно обращен к субъективной стороне творческого процесса. В субъективной же сфере не само по себе приспособление останавливает творчество, а лишь сознание, что приспособлением исчерпывается все отношение к миру. Именно в борьбе против такой ограниченности сознания и ложной осуществимости ее в доминирующей христианской традиции готов Зеньковский солидаризироваться с Бердяевым. Однако он не распространяет это сознание на всю христианскую традицию, выявляя в ней и дух творческой активности. Поэтому Зеньковский резко выступает против перенесения возможности окончательной реализации творчества в грядущую третью творческую эпоху, настаивая на том, что творчество реализуемо в нашей жизни.

Оценивая результат дискуссии в целом с учетом не только российского, но и заграничного периодов, где полемика вокруг концепции твор-

чества отошла на второй план, можно констатировать, что критика современников не привела Бердяева к значительному изменению взглядов, а лишь побудила к более тщательному их обоснованию. Как мы видим, эта дискуссия преимущественно раскрывала специфику религиозного смысла концепции творчества мыслителя, а точнее говоря, выявления соответствия или не соответствия его идей тем или иным богословским парадигмальным основаниям.

Особый интерес к теме творчества Бердяева в философско-религиозных кругах Англии 40-х гг. отмечает в своем письме к нему Е. Ламперт [10]. Ламперт сообщает, что с целью прояснения некоторых искажений понимания философа он написал небольшую книгу о мировоззрении Бердяева. Сущностью данного исследования становится выявление особенностей экзистенциального философствования русского мыслителя, а именно того, что мысль Бердяева является «разворачиванием его собственного опыта, свидетельствующего о личном приобщении к первоисточникам бытия: это не конструкция понятий или идей, но поиск и принятие, вопрос и ответ, зов и отвержение» [21, с. 25]. Исследователь видит основной мотив философствования Бердяева в том, чтобы «обнаружить, определить и оправдать творца в человеке» [21, с. 46]. Он отвергает обвинение философа в титаническом гуманизме, указывая на конституирующую роль божественного начала в человеческом творчестве, четко выраженную в работах Бердяева. Однако стремление Ламперта охватить все бердяевское миросозерцание целиком привело к фрагментарному освещению исследуемой нами темы, темы творчества, в его книге.

В американском журнале «Персоналист» на протяжении 1962–1969 гг. велась оживленная дискуссия относительно вопроса приоритетности этического или онтологического обоснования творческого потенциала человека. Так, Роберт Анделсон в статье «Концепция творчества в мысли Рильке и Бердяева» [16] и Роберт Диккенс – «Бердяевский концепт творчества» [19] оценивают творческий потенциал как этическую категорию. В противовес этому Джеймс Дай пишет: «Этические и социальные проблемы составляют предмет большинства опубликованных писаний Бердяева; и если «прежде всего» означает просто, что Бердяев наиболее часто обращается к творческому потенциалу при обсуждении его уместности в пределах контекста некоторого этического анализа, тогда это обозначение может вполне быть правильно. ... Однако если «прежде всего» определяет превосходящий статус в обосновании или генезисе, то это неверная интерпретация» [20, с. 459–460]. В своей статье он аргументированно обосновывает, что творческий потенциал «не этический и не эстетический», а онтологический. По мнению автора, центральный концепт мыслительных построений Бердяева – «Безосновное», онтологичен и обозначает творческую потенцию, соответственно творчество имеет, прежде всего, онтологический смысл. Частично соглашаясь с данной аргументацией, мы считаем, что и она неполно выражает позицию русского мыслителя.

Современный западный исследователь Питер Христиансен [17] дает интересный обзор позиций ряда западных исследований, проведенных уже после этого спора. Как явствует из его обзора, дальнейшие исследования велись, по преимуществу, в контексте переключки идей Бердяева с

идеями других мыслителей. Таким образом, и в этих исследованиях не была рассмотрена изучаемая нами тема в качестве самостоятельного предмета исследования. Христиансен отмечает также, что с 1978 г. интерес к данной теме начинает угасать. Работа самого Христиансена носит сравнительный характер. Автор посвящает свое исследование выявлению влияния идей Мережковского на концептуализацию проблематики творчества у Бердяева.

Оригинально подходит к рассмотрению темы творчества у Бердяева французский исследователь Ж. К. Маркаде, отмечая личностный характер его философствования. Однако он ограничивает предмет своего рассмотрения творчеством в сфере искусства. Он пишет: «Если правда то, что акт творения — двигатель всего человеческого, значит, в искусстве находится что-то, что может утолить человеческую потребность в свободе» [18, с. 50]. Поэтому для Маркаде важным становится выявление недостаточности раскрытия Бердяевым особенностей художественного творчества, он сетует, что теме искусства, и, в частности ее анализу в русской философии, Бердяев уделяет мало внимания.

На причину такого незначительного освещения темы искусства в произведениях Бердяева указывает русский исследователь А. Л. Андреев [1, с. 12]. Он отмечает, что искусству уделялось относительно небольшое внимание потому, что ему отводилась временная роль в контексте человеческого существования. Культура как форма человеческой самореализации, одним из видов которой является искусство, – временная и ущербная форма, на смену которой должна прийти сверхкультура. Однако высшие взлеты культуры, по Бердяеву, входят в сверхкультуру, предуготовляют ее окончательное осуществление. И соответственно обращенность к проблематике искусства для Бердяева имеет лишь косвенное значение. Как верно считает В. А. Кувакин, бердяевскую тему творчества лучше понять «как ряд требований, предъявляемых к субъекту, требований, выполнение которых делает личность «экзистенциальной», непосредственной носительницей «преображенного» мира, подлинным воплощением духа, свободы и реальности» [9, с. 160].

Американский исследователь А. Валлон формулирует специфику рассмотрения творчества Бердяевым как такую, что духовное возрождение для русского философа не является конечной целью человеческого существования, а есть лишь путь, заключающийся в своеобразном «нарастании», совершенствовании творчества как антропокосмического процесса. Автор выясняет, что для Бердяева «творение не завершено: оно все еще продолжается. Над ним Бог и человек работают вместе. Роль человека в этом процессе в том, что он создает новые ценности помимо того, что дано Богом и посвящает их общему благу» [23, с. 247]. Однако автор рассматривает проблему творчества исключительно в контексте этики творчества, в силу чего вне поля его внимания оказывается генетическое рассмотрение сущностных характеристик творчества как особой духовной реальности.

Другой американский исследователь Фуад Нуко в своей монографии, посвященной изучению парадокса свободы и необходимости у Бердяева [22], отводит теме творчества целую главу. Однако в творчестве автор видит лишь ключ к решению заданной проблематики, полагая, что

само решение находится в духовности. Автор не видит, что темы творчества и духовности взаимно-коррелятивны. Некорректно, с точки зрения Бердяева, творчество рассматривать как средство, а духовность как некое завершительное состояние. Главная характеристика духа, для Бердяева, — это подвижность, творческая процессуальность, другими словами творчество и есть, согласно его концепции, форма существования человеческой (точнее, Бого-человеческой) духовности.

Интересно подходит к интерпретации темы творчества у Бердяева Р. А. Гальцева, рассматривая ее в контексте столкновения двух установок — христианской и романтически-гностической [4]. Однако творчество, в ее рассмотрении, представляется как самосущность, без связи с определяющей его и определяемой им Бого-человеческой реальностью. Автор обосновывает свою позицию тем, что Бердяев — религиозный философ и поэтому «он не ограничивается откликом на человеческий запрос, но и судит этот запрос» [4, с. 7–8]. По нашему мнению, Р. А. Гальцева лишь частично права. Обращаясь к феномену творчества, она высвечивает его стороны, определяющие человеческую реальность и реальность мира, но недостаточно выявляет характер определенности творчества человеческой реальностью. Таким образом, если американский исследователь недооценивает значимость творчества у Бердяева, то русский, по нашему мнению, переоценивает ее.

Весьма глубоко вникает в проблематику философских поисков Бердяева современный исследователь Т. А. Двуреченская [5]. В философии Бердяева она выявляет, в качестве базового, столкновение позиций теоцентризма и антропоцентризма. Однако в ее рассмотрении темы творчества уклон делается в сторону теоцентризма. Поэтому исследователь приходит к выводу, что «субъектом религиозного творчества бердяевский человек быть не может, а Бог оказывается исключительным, хотя и внутренне разнородным субъектом религиозного творчества. Следовательно, когда начинается действие религиозного творчества, человека уже нет. Поэтому намерение Бердяева «оправдать человека» через наделение его творческой способностью качественно изменять жизнь мира, оказывается невыполнимым» [5, с. 32]. Мы считаем, что данное утверждение абсолютизирует одну из сторон позиции Бердяева, недооценивая противоположную. Это вызвано отрывом рассмотрения темы творчества от феномена экзистенциального сопричастия философа рассматриваемой проблематике, а также, как представляется некой внутренней «не-диалогичностью» позиции исследователя, и, как следствие, неспособностью уловить значимость мистической неслиянной сродственности человека и Бога в концепции Бердяева.

В другую крайность впадал еще Лев Шестов, современник и друг Бердяева, обращая внимание исключительно на экзистенциально-гностические особенности его мышления. Конечно, мысль Бердяева исходила из личностного гнозиса, но она была религиозно-ориентирована к Богу особым образом — диалогично, а не монологично. Бог и человек в его позиции связаны прямо пропорциональной связью: чем более возвышается человек, тем более возвышается и Бог, поскольку они содействуют друг другу в каком-то внутреннем взаимосогласованном ритме.

Современный исследователь М. В. Силантьева, детально ознакомившись с западными исследованиями темы творчества у Бердяева, рассматривает его концепт творчества одновременно как онтологическую и этическую категорию [15]. Тем самым она согласовывает две крайние точки зрения, актуализированные в дискуссии в журнале «Персоналист». Однако автор не обращает достаточного внимания на творчество как экзистенциально-личностную категорию, в силу чего Бердяев представлен как экзистенциалист, занятый преимущественно уточнением понятий. По этой же причине другие исследователи С. Н. Семенов и А. Н. Семенова приходят к выводу, что в силу абсолютизации, а значит доведения до высшего уровня абстрактности реальностей свободы и творчества в философии Бердяева они «снижают свою ценность и теряют содержательность» [14, с. 42].

Довольно остро осознает ситуацию А. А. Ермичев, видя в личном характере философии Бердяева причину «теоретической неудачливости» в силу отсутствия почвы для полемики, поскольку по поводу мистических прозрений спорить нельзя, их можно либо принять, либо отвергнуть [6]. Как мы видим, этот подход прямо противоположен подходу М. В. Силантьевой и Семеновых и как и их абсолютизация он ограничен. Вместе с тем данный автор, несмотря на указанную позицию, наиболее близко подходит к пониманию специфики темы творчества в философии Николая Бердяева.

Исходя из всего вышеизложенного, становится ясным, что тема творчества не была рассмотрена как тема, во всей полноте раскрывающая сущность Бого-человеческого взаимодействия. Авторы зачастую абсолютизировали одну из сторон этой темы, представляя мышление Бердяева односторонне. Исходя из проведенного обзора, можно установить, что в мировой бердяеведческой традиции, несмотря на детальное освещение отдельных религиозно-философских воззрений, еще не достигнуто удовлетворительного понимания их специфики. Это произошло потому, что большинство авторов не принимали экзистенциально-личностной и мистико-религиозной специфики философского дискурса Бердяева, поэтому реализованное ими его понимание недостаточно. Не была систематически рассмотрена связь индивидуально-психологических черт личности Бердяева и истоков его мировоззрения. Не были установлены особые формы мышления Бердяева, задающие уникальность его смыслотворчества. Незадействованными оказались и методы, позволяющие выявить особые параметры языковой личности философа и установить полифонизм языкового пространства его философствования. Не была выявлена особая коммуникативная направленность текстualityности Бердяева, задающая особенность эзотерического проекта русского философа. До сих пор не была проанализирована зависимость идейной эволюции взглядов Бердяева от преформирующего влияния центральной мифомодели его мировосприятия. Не была детально выявлена специфическая дисциплинарная область культурной деятельности, которую стремился конституировать Бердяев. Ее мы определяем как творческую теологию культуры. Таким образом, тема творчества в бердяеведении, несмотря на свою популярность, еще не исчерпана до конца.

Библиографические ссылки

1. Андреев А. Л. Искусство, культура, сверхкультура (Философия искусства Н. А. Бердяева) [Текст] / А. Л. Андреев – М.: Знание, 1991. – 64 с.
2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и история [Текст] / Н. А. Бердяев // Биржевые ведомости. – 18 ноября 1916 г. – М., 1916. – С. 5.
3. Бердяев Н. А. Христос и мир [Текст] / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – М.: Искусство, Лига, 1994. – Т. 2. – 542 с. – С. 274–290
4. Гальцева Р. А. Николай Бердяев – философ творчества и теоретик культуры [Текст] / Р. А. Гальцева // Н. А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – М.: Искусство, Лига, 1994. – Т. 1. – С. 7–36.
5. Двуреченская Т. А. Философские взгляды В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева [Текст] / Т. А. Двуреченская. – М., 2001. – 48с.
6. Ермичев А. А. Я всегда был ничьим человеком [Текст] / А. А. Ермичев // Н. А. Бердяев: pro et contra : в 2 кн. / Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – Кн. 1. – С. 8–23.
7. Зеньковский В. В. Проблема творчества. По поводу книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [Текст] / В. В. Зеньковский // Н. А. Бердяев: pro et contra : в 2 кн. / Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – Кн. 1 – С. 284–305.
8. Иванов В. И. Старая или новая вера? [Текст] / В. И. Иванов // Н. А. Бердяев: pro et contra : в 2 кн. / Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – Кн. 1. – С. 306–313.
9. Кувакин В. А. Религиозная философия в России [Текст] / В. А. Кувакин – М., 1980. – 209 с.
10. Ламперт Е. Письмо Бердяеву [Текст] / Е. Ламперт // РГАЛИ – ф. 1946, оп. 1 ед. хр. 445.
11. Лундберг Е. Творчество как спасение [Текст] / Е. Лундберг // Мысль и слово. Философский ежегодник : в 2 т. – М., 1917. – Т. 1. – С. 277–296.
12. Мейер А. А. Новое религиозное сознание [Текст] / А. А. Мейер // Н. А. Бердяев: pro et contra : в 2 кн. / Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – Кн. 1. – С. 280–284.
13. Розанов В. В. Новая религиозно-философская концепция. Николай Бердяев. «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [Текст] / В. В. Розанов // Н. А. Бердяев: pro et contra : в 2 т. / Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – Кн. 1. – С. 261–270.
14. Семенов С. Н. Философская антропология Н. А. Бердяева и славянофильство [Текст] / С. Н. Семенов, А. Н. Семенова // Философский космос России. Памяти Н. А. Бердяева : Материалы научной конференции. – Уфа, 1998. – С. 40–56.
15. Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Н. А. Бердяева о соотношении философии, религии и культуры [Текст] / М. В. Силантьева // Религиоведение. – 2005. – № 1. – С. 80–88.
16. Andelson R. V. The concept of creativity in the thought of Rilke and Berdyaev [Text] / R. V. Andelson // Personalist. – 1962. – 43 – P. 226–232.

17. Christensen P. G. Merezhkovsky and Berdyaev: Leonardo and the meaning of the creative act [Text] / P. G. Christensen // Symposium – 1991. – 45(3) – P. 172–181.
18. Colloque Berdiaev [Text]. – Paris : Institut d'Etudes Slaves, 1978. – 83 p.
19. Dickens R. S. Berdyaev's concept of creativity [Text] / R. S. Dickens // Personalist. – 1964. – Vol. 45 – P. 250–254.
20. Dye James W. Berdyaev on «Creativity» [Text] / W. Dye James // Personalist. – 1965. – Vol. 46. – P. 459–467.
21. Lampert E. Nicolas Berdyaev [Text] / E. Lampert // Modern Christian Revolutionaries. – N.Y. : Donald Attwater, ed., 1947. – 96 p.
22. Nucho F. N. Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity [Text] / F. N. Nucho. – New York: Anchor Books, 1967. – 228p.
23. Vallon M. A. An apostle of freedom: Life and teachings of Nicolas Berdyaev [Text] / M. A. Vallon. – New York : Philosophical Library, 1960. – 370 p.

Надійшла до редколегії 10.01.11

УДК 165

О. С. Токовенко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЕВОЛЮЦІЙНА МІЖДИСЦИПЛІНАРНА ПРОГРАМА ДОСЛІДЖЕННЯ КОГНІТИВНИХ СИСТЕМ

Розглянуті можливості тлумачення еволюційної епістемології як між-дисциплінарної програми дослідження когнітивних систем.

Ключові слова: епістемологія, еволюція, міждисциплінарність.

Рассмотрены возможности истолкования эволюционной эпистемологии как междисциплинарной программы исследования когнитивных систем.

Ключевые слова: эпистемология, эволюция, междисциплинарность.

Ways of evolutionary epistemology interpretation as interdisciplinary research programs are studied.

Key words: epistemology, evolution, interdisciplinary.

Еволюційна епістемологія є одним із новітніх напрямів сучасної філософської думки. Нестандартність підходів, які пропонує цей напрям до вирішення філософських проблем, а також масштабність та глибина проблематики, що є її предметним полем, зумовили те, що деякі сучасні дослідники, а саме: Г. Воллмер, Д. Радніцкі, Г. Лоу та інші схиляються до думки, що ідеї цього філософського напрямку слід розглядати як нову коперніканську революцію в епістемології.